

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го Ноября. № 21 1892 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ

Ветхозавѣтная пророческая проповѣдь какъ образецъ для христіанскихъ пастырей—проповѣдниковъ.

„Религія евреевъ была религіей покаянія среди древняго міра. Начинается она, скажемъ словами Шаффа, печальнымъ сказаніемъ о паденіи и оканчивается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ послѣдній представитель ветхозавѣтной праведности—Предтеча сказалъ свое— „покайтесь!“¹⁾ Отсюда и проповѣдь этой религіи въ большинствѣ случаевъ звучитъ скорбными нотами и носитъ на себѣ покаянный характеръ. Подобно совѣсти, она всегда тихо и незамѣтно, но немолчно и постоянно то порицала, то одобряла поступки всего древняго человѣчества. Стоя одиноко въ древнемъ мірѣ, почти вовсе неизвѣстная ему, она не переставала проповѣдывать о покаяніи въ то время, какъ евреи и особенно язычники, пируя на шумныхъ оргіяхъ и предаваясь идолопоклонству и разврату, менѣе всего думали о перемѣнѣ грѣшной жизни на богоугодную. Вслѣдствіе этого пророческая проповѣдь является самою скорбною. Но ея скорбь нисколько не походитъ на ту скорбь, какою проникнута проповѣдь бра-

¹⁾ Еп. Хрисановъ. Рел. древн. міра т. III, стр. 156.

минства и буддизма. Будучи чисто нравственного характера, скорбь ветхозавѣтной проповѣди порождаетъ въ человѣкѣ не безотрадное отчаяніе, но свѣтлое чувство обновленія жизни и спасенія.

И христіанская проповѣдь будетъ имѣть больше успѣха, если будетъ носить на себѣ отпечатокъ ветхозавѣтной скорби. Природа души человѣческой такова, что скорбные голоса сильнѣе дѣйствуютъ на нее и глубже въ нее западаютъ. Правда, христіанская проповѣдь по главному предмету своему ¹⁾ должна быть почти всегда голосомъ радости. Но какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ религіозно-нравственное состояніе евреевъ было причиною скорбнаго тона проповѣди, такъ и въ настоящее время состояніе религіи и нравственности христіанскихъ народовъ должно вызывать на церковныхъ кафедрахъ голоса, болѣе грустно—покаянные, чѣмъ радостно-ликующіе, болѣе свидѣтельствующіе о грѣхѣ, чѣмъ прославляющіе праведную жизнь возрожденнаго человѣчества.

Указавъ общій характеръ ветхозавѣтной пророческой проповѣди, мы переходимъ къ частнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ чертамъ ея. Эта проповѣдь была возвѣщеніемъ еврейскому народу чрезъ пророковъ слова Іеговы. Изъ такого опредѣленія ясно вынаруживаются двѣ внутреннихъ черты пророческой проповѣди: библейскій характеръ или духъ и народность.

Библия должна быть началомъ и первообразомъ нашей проповѣди. Отсюда и тотъ духъ, какимъ проникнута библейская ветхозавѣтная проповѣдь, долженъ быть сообщаемъ и проповѣди христіанской. Пророческая проповѣдь свята, потому что происходитъ отъ всесвятаго Бога. Отсюда и церковная христіанская проповѣдь должна быть отрѣшена

¹⁾ І. Христось—Искупитель человѣчества отъ грѣха, проклятія и смерти.

отъ всего земнаго и чувственнаго и всецѣло устремлена къ небесному и Божественному. „Мы приняли не духа міра сего, говорить Апостоль Павель, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога; что и возвѣщаемъ не отъ человѣческой мудрости изученными словами, но изученными отъ Духа Святаго, соображая духовное съ духовнымъ ¹⁾. Словомъ, она должна быть проникнута духомъ святости библейской. Правда, она можетъ говорить объ обуви ²⁾ и одеждѣ ³⁾, но на эти предметы она должна смотрѣть библейскимъ взоромъ и имѣть о нихъ библейскія сужденія. Проповѣдникъ долженъ разсматривать подобныя предметы не сами по себѣ, а примѣнительно къ человѣческому спасенію. Библейская ветхозавѣтная проповѣдь — истинна, потому что она — слово Божіе. Поэтому и церковно-христіанская проповѣдь не должна заключать въ себѣ ничего такого, что противорѣчило-бы библейскимъ истинамъ. „Если бы даже мы или Ангель съ неба сталъ благовѣстить вамъ не то, что мы благовѣстили вамъ, да будетъ анаѰема“ ⁴⁾. Вотъ почему въ ней не должны имѣть мѣста ни сомнѣнія, ни колебанія, ни неопредѣленности. „Вѣренъ Богъ, что слово наше къ вамъ не было то да, то нѣтъ, ибо Сынъ Божій І. Христосъ, проповѣданный у васъ нами, не былъ да и нѣтъ; но въ Немъ было да“ ⁵⁾.

Указанныя нами двѣ черты библейскаго духа еще далеко не исчерпываютъ всего понятія о немъ. Не болѣе ясное представленіе о библейскомъ духѣ дадутъ и другія черты, если бы только удалось намъ отыскать ихъ, такъ какъ этотъ духъ болѣе чувствуется, нежели логически понимается и

1) 1 Кор. II, 12. 13.

2) Златоустъ.

3) Филареть.

4) Гал. 1, 8.

5) 2 Кор. 1, 18. 19.

выражается словами. „Библейскій духъ церковнаго собесѣдованія состоитъ въ близости и какъ бы въ живомъ подражаніи бесѣды внутреннимъ существеннымъ свойствамъ Св. Писанія“¹⁾. Поэтому церковное слово будетъ проникнуто библейскимъ духомъ только тогда, когда авторъ его всегда читаетъ библію и даже заучиваетъ многое наизусть, пользуясь при своемъ чтеніи наилучшими толкователями Слова Божія, какими являются преимущественно Отцы Церкви. При такомъ отношеніи проповѣдника къ библіи духъ его сроднится съ ея духомъ и будетъ полнымъ отраженіемъ его. Подъ этимъ только условіемъ церковная проповѣдь будетъ имѣть полное и точное сродство съ библіей въ выборѣ предметовъ, во взглядѣ на эти предметы, въ развитіи мыслей, въ силѣ доказательствъ и въ способѣ убѣжденія. Подъ этимъ же условіемъ всякое церковное слово будетъ проникнуто и духомъ спасенія, такъ какъ все Св. Писаніе для того и существуетъ, чтобы спасти и усовершенать человѣка²⁾.

Какъ вездѣ, такъ и въ сообщеніи проповѣди библейскаго духа могутъ быть и бывають крайности. Въ прежнее время такою крайностью былъ излишній библеизмъ. Онъ состоялъ въ томъ, что проповѣдь желали сдѣлать и по внѣшней формѣ, или точнѣе,—и по буквѣ библейскою. Вслѣдствіе такого желанія являлось пристрастіе къ текстамъ, которыми и наполнялась проповѣдь отъ начала до конца. Такое пристрастіе къ текстамъ дѣлало проповѣдь сухою, тогда какъ въ этой сухости нѣтъ никакой надобности. Самъ Іисусъ Христосъ часто считалъ необходимымъ измѣнять букву закона. То же мѣлали и Отцы Церкви. Библія не есть книга фразъ и словъ, а потому изъ нея нужно заимствовать не букву, а духъ.

¹⁾ Амфитеатровъ. Гомилет. ч. II. § 203, стр. 11.

²⁾ 2 Тим. III, 16, 17.

Но если прежняя проповѣдь страдала излишествомъ библеизма, то нынѣшняя въ большинствѣ случаевъ страдаетъ отсутствіемъ его. Въ наше время большинство такъ называемыхъ модныхъ проповѣдниковъ по возможности стараются избѣгать библии, мало приводятъ текстовъ, какъ будто боятся проронить библейское слово и, доказывая извѣстную христіанскую истину, прибѣгаютъ къ философскимъ и рационалистическимъ соображеніямъ. Задача проповѣдника примирить жизнь съ христіанскимъ идеаломъ, а не отступать отъ него. Когда же онъ станетъ низводить этотъ идеаль до уровня обыденной жизни, то въ благочестивомъ обществѣ будетъ чувствоваться пустота отъ слушанія Слова Божія, какъ это было въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда появлялись ложные пророки.

Другую отличительную чертою ветхозавѣтной пророческой проповѣди, какъ мы сказали раньше, является народность, или вѣрнѣе,— универсальная популярность. Пророкъ Исаія получилъ отъ Господа повелѣніе взять себѣ „свитокъ новый великій“ и писать на немъ „писаломъ человѣческимъ“¹⁾, т. е. языкомъ понятнымъ для людей, языкомъ популярнымъ. Эта популярность пророческой проповѣди не ограничивается какимъ-либо опредѣленнымъ временемъ и не обуславливается какимъ-нибудь отдѣльнымъ народомъ. Универсальный популяризмъ пророческихъ рѣчей долженъ быть понятенъ для народа вообще. А народъ въ общемъ смыслѣ обозначаетъ совершенно не то понятіе, какое у римлянъ соединялось съ словомъ *plebs*, у грековъ—съ словомъ *dimos* и у насъ—съ словами простой, необразованный крестьянинъ. Пророки обращали свое слово не къ одному еврейскому народу, а ко всемъ народамъ древности, почему и проповѣдь ихъ носить на себѣ характеръ всенародности, или универсальной

1) Ис. VIII, 1.

популярности. Благодаря этой своей чертѣ, пророческая ветхозавѣтная проповѣдь остается и будетъ оставаться народною и популярною во всѣ времена и во всякомъ народѣ. Правда, есть въ рѣчахъ пророческихъ мѣста, трудно поддающіяся пониманію, но и эти мѣста являются непонятными не для одной какой-либо группы народа, но для всѣхъ и каждого, отчего и проповѣдь пророковъ не теряетъ своей всенародности. Эта проповѣдь — жива и стремительна, потому что всегда и вездѣ идетъ прямо къ цѣли, прямо къ дѣлу, прямо въ душу. Она — жизненна и тепла, потому что всегда и вездѣ въ ней говорятъ не сухія мертвыя слова, а душа — душѣ и сердце — сердцу.

Подобно ветхозавѣтной пророческой проповѣди, и христіанская проповѣдь должна быть всенародною и общегодною для всѣхъ и каждого. „Шедше, научите вся языки“¹⁾, заповѣдалъ Иисусъ Христосъ въ лицѣ Апостоловъ вѣмъ христіанскимъ проповѣдникамъ. Какая же церковная проповѣдь можетъ быть названа вполне народною, вполне популярною? Безъ сомнѣнія, не та, которая обращена только къ низшимъ классамъ народа и написана вульгарнымъ языкомъ. Истинная народность состоитъ не въ площадномъ образѣ рѣчи. Церковная бесѣда не должна *ни дакать ни агакать, ни эхатъ и охатъ, ни проваливать даль, ни баить и гуторить, ни тататакать и вавакатъ и пр.* Однимъ словомъ, не должна свою мысль важную, требующую тона и рѣчиважной, рядить въ плебейскія прибаутки, въ риѣму безвкусную, въ многословіе деревенской сходки, въ наивность, слишкомъ простонародную“²⁾. Площадная рѣчь оскорбляетъ религіозное чувство и унижаетъ достоинство Слова Божія. Тривіальность, грубость и пошлость будетъ оскорбительна

1) Мо. XXVIII, 19.

2) Амфитеатровъ. Гомил. т. II, § 294, стр. 153.

и для самой массы простыхъ слушателей. Эта масса почувствуетъ, что ее не высоко цѣнятъ, когда говорятъ предъ нею, что не взбрѣдетъ на умъ. Не нужно забывать того, что простой народъ хочетъ, чтобы ораторъ его говорилъ предъ нимъ лучше, чѣмъ онъ самъ говорить.

Когда говорятъ, что въ Россіи популярны новыя судебныя учрежденія, то этимъ выражается не то только, что они нравятся массѣ простаго народа, но что всѣ русскіе понимаютъ все великое значеніе ихъ, любятъ ихъ и благоговѣютъ предъ ними.

Тѣмъ менѣе популярность и народность проповѣди должна состоять въ школьномъ краснорѣчїи. Св. Василій Великій учился краснорѣчію у знаменитаго Ливанія въ Аѳинахъ, но въ его бесѣдахъ находимъ не блестящій, а простой и общепонятный слогъ. Блаженный Августинъ всегда бесѣдовалъ съ своими слушателями просто, выражалъ свои мысли въ краткихъ періодахъ, говорилъ часто вопросами и отвѣтами. „Для меня лучше, утверждаетъ онъ, если не будутъ понимать меня грамматики, чѣмъ если не будутъ понимать народъ. Что пользы для меня въ золотомъ ключѣ, если онъ не отпираетъ дверей туда, куда я хочу войти, и что за вредъ отъ деревяннаго ключа, если онъ отпираетъ“ ¹⁾. Св. Златоустъ просвѣщаль разумъ и трогалъ сердца, какъ едва-ли кто-либо другой, но онъ никогда не употреблялъ изысканныхъ словъ и не высказывалъ мыслей, доставляющихъ одно удовольствіе слушателямъ. „Я никогда не старался, говорить знаменитый Геденъ въ предисловіи къ своимъ поученіямъ, чтобы очень привязать себя къ риторикѣ“ ²⁾. Подобнымъ образомъ разсуждаетъ и преосвященный Платонъ. „Признаюсь, пишетъ онъ, что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился“ ³⁾.

¹⁾ De Doctr. Chvst. lib. IV, XXIV—XXVI.

²⁾ Амфитеатровъ. Гомил. т. 1. § 21, стр. 51.

³⁾ Амфитеатровъ. Гомил. т. 1. § 21, стр. 52.

„Народность проповѣди въ широкомъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что христіанское витійство является равно торжествующимъ и побѣдоноснымъ во всякомъ народѣ, во всякое время, ни мало не завися и не подчиняясь духу сего послѣдняго. Народная проповѣдь одинаково пользуется и располагаетъ ко спасенію неупорнаго іудея и здравомыслящаго язычника, католика и протестанта, вельможу и поселянина“¹⁾. Отсюда ясность и общепонятность—вотъ существенныя и главныя черты народности. Проповѣдь будетъ народною, если она можетъ быть приспособлена къ душевному состоянію всѣхъ слушателей. Такая проповѣдь понятна для всѣхъ, просвѣщаетъ всѣ умы, возбуждаетъ всѣ сердца. Народность должна быть въ содержаніи, языкѣ и изложеніи. Народность въ содержаніи состоитъ въ томъ,—а) чтобы проповѣдникъ не вдавался въ отвлеченности, но каждую мысль и каждую истину поставлялъ въ непосредственное отношеніе къ своимъ слушателямъ; б) чтобы онъ, проповѣдуя неизмѣнныя истины, постоянно имѣлъ въ виду образъ мыслей всѣхъ своихъ слушателей; в) чтобы онъ бралъ примѣры, образы и подобія непременно изъ того круга зрѣнія, какой имѣютъ всѣ его слушатели; г) чтобы оставлялъ острые вопросы и изъясненія, а предлагалъ только то, что доставляетъ спасительную пользу человѣку. Такимъ образомъ, народность содержанія проповѣди состоитъ не въ томъ чтобы избирать общія мѣста и обходить истины высокія, но въ томъ, чтобы каждую истину такъ представить, чтобы она обратила на себя вниманіе всѣхъ и cadaго, проникла въ разумъ и запечатлѣлась въ памяти навсегда.

Народность выраженія или языка состоитъ въ ясности, опредѣленности, правильности, краткости и точности выраженія мыслей. Каждое предложеніе, каждое слово должно

¹⁾ Ibid. т. II. § 218, стр. 34.

вполнѣ выражать то, что проповѣдникъ хочетъ выразить, и при томъ выражать такъ, чтобы это было совершенно понятно для каждаго изъ слушателей. Имѣя въ виду эту цѣль, „проповѣдникъ можетъ заимствовать и изъ простонароднаго языка все то, что въ немъ есть цѣломудреннаго, точнаго и выразительнаго,—именно: а) отдѣльныя слова, употребляемыя въ такомъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ ихъ народъ; б) выраженія и обороты, часто встрѣчающіеся въ рѣчи простонародной; в) тропы и фигуры, подобія и сравненія, знакомыя народу; г) умныя и хорошо выраженные пословицы народныя“ ¹⁾ Это качество проповѣди блаженный Августинъ ставилъ такъ высоко, что жертвовалъ для него даже чистотою языка ²⁾. Поэтому церковный ораторъ долженъ всегда избѣгать всѣхъ иностранныхъ словъ, непонятныхъ выраженій, словъ провинціальныхъ, словъ и оборотовъ, вышедшихъ изъ употребленія или даже устарѣлыхъ. Народный языкъ простъ и сжатъ. Онъ не терпитъ длинныхъ періодовъ и многословныхъ разлагольствованій объ одномъ и томъ-же предметѣ. Помимо этого, многорѣчие дѣлаетъ проповѣдь не только не ясною, но и безсильною, и скучною, такъ какъ при обильномъ звукѣ словъ исчезаетъ для слушателя не только связь, но и самая мысль проповѣди.

Народность изложенія состоитъ въ томъ, что произношеніе и дѣйствіе вполнѣ согласуется съ содержаніемъ проповѣди. Народность изложенія будетъ достигнута, если правильное и даже музыкальное выраженіе будетъ соединено съ соотвѣтствующимъ характеру мыслей содержанія произношеніемъ и вполнѣ естественными тѣлодвиженіями.

Но, приписывая народной проповѣди всегдашнюю и всемістную удобоприложимость и удобопріемлемость слушате-

¹⁾ Амфитеатровъ. Гомилет. т. II. § 293, стр. 151.

²⁾ De Doctr. Christ. lib. IV, с. 10.

лями, мы не можем не обратить вниманія и на то обстоятельство, что ветхозавѣтные пророки, І. Христось и Апостолы по внѣшней формѣ своей рѣчи всегда и вездѣ были своенародны. Они облекали свое слово въ тѣ формы и выражали его въ тѣхъ образахъ, какіе нисколько не были чужды тому или другому народу. Поэтому мы и вынуждаемся національными и мѣстными особенностями народа сдѣлать нѣсколько ограниченій по отношенію къ общегодности такой проповѣди, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

„Проповѣдникъ обыкновенно дѣйствуетъ въ одномъ какомъ-либо гражданскомъ обществѣ, къ которому принадлежит рожденіемъ, воспитаніемъ, сыновствомъ церковнымъ,— цѣлою жизнію; дѣйствуетъ въ одномъ опредѣленномъ кругу общества“ ¹⁾. Вотъ почему проповѣдь, пригодная въ Германіи, мало бываетъ пригодна въ Италіи. Блестящая и назидательная во Франціи, она почти не назидательна у насъ въ Россіи. Это зависитъ отъ того, что одинаковое по своей сущности добро и зло имѣетъ весьма много проявленій, которыя обусловливаются характеромъ и степенью умственного развитія того или другаго народа. Поэтому проповѣднику необходимо знать духъ и характеръ своего народа. Не лишне—также особенно русскому проповѣднику знать духъ и характеръ даже той паствы, какая вѣрена ему, такъ какъ понятное въ одной паствѣ у насъ мало бываетъ понятно въ другой. Такая необходимость обусловливается тѣмъ, что, благодаря нерадивости многихъ нашихъ пастырей—проповѣдниковъ, религіозно-нравственное состояніе деревенскаго населенія бываетъ различнымъ чуть-ли не въ каждой паствѣ. Но указанныя особенности проповѣдникъ долженъ замѣчать не для одного знанія ихъ и руководства ими при составленіи своихъ проповѣдей, а главнымъ обра-

¹⁾ Амфитеатровъ. Гомилет. т. II. § 219, стр. 34.

зомъ съ тою цѣлью, чтобы по мѣрѣ возможности и силъ сглаживать и даже совершенно уничтожать ихъ. Если такая цѣль проповѣдника трудно можетъ быть осуществляема и въ конецъ можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ по отношенію ко всѣмъ вообще народамъ, то по отношенію къ тому народу, средн котораго онъ дѣйствуетъ, эта цѣль легко и скоро можетъ быть приведена къ концу. Особенная необходимость проповѣдникамъ задаваться такою цѣлью вызывается, помимо указанныхъ основаній, различіемъ нарѣчій въ одномъ и томъ же народѣ. Церковная проповѣдь должна учить народъ не только истинамъ вѣры, но и самому языку, какимъ прилично выражаются эти истины. Это необходимо было всегда и у всѣхъ народовъ, а у насъ тѣмъ необходимѣе, потому что церковное слово можетъ и должно между прочимъ служить и средствомъ совершеннаго объединенія русскаго народа по самой рѣчи.

Но можетъ-ли наша современная проповѣдь назваться народною, всегда-ли она отличается характеромъ популярности? Истина, къ сожалѣнію, вынуждаетъ сказать насъ, что далеко нѣтъ. Если когда, то особенно въ настоящее время примѣнимы къ нашимъ проповѣдникамъ слова Апостола: „аще неблагоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣтся глаголемое; будете бо на воздухъ глаголюще“¹⁾. Рѣдкая изъ современныхъ проповѣдей можетъ назваться вполне популярною, такъ какъ очень и очень малое изъ того, что говорится съ церковной кафедръ, проникаетъ въ души слушателей. Это съ особенною достовѣрностью можно сказать о „словахъ“, которыя произносятся въ великіе праздники и торжественные дни въ многочисленныхъ церковныхъ собраніяхъ. Едва-ли что-либо можетъ быть менѣе популярнымъ, чѣмъ эти проповѣди? Всякій, кому приходилось

1) 1 Кор. XIII, 9.

слышать ихъ, хорошо знаетъ, что онѣ большею частію остаются бесплодными, не производя почти никакого дѣйствія на слушателей. Въ такихъ проповѣдяхъ можно встрѣтить и возвышенныя идеи, и глубокомысленныя рѣшенія вопросовъ, и остроумныя обороты и даже многоглаголевыя и широко-вѣщательныя описанія замѣчательныхъ происшествій, но нѣтъ только заботы объ исправленіи и спасеніи слушателей. Такія проповѣди могутъ иногда вызвать даже улыбку со стороны слушающихъ, но никогда не увлажятъ слезами глазъ ихъ. То правда, что мы охотно слушаемъ остроумныя выходки, но эти выходки никому не могутъ нравиться, если онѣ высказываются съ церковной кафедрѣ,—этого священнаго мѣста, гдѣ проповѣдуется Слово Божіе. Нѣкоторые изъ современныхъ авторовъ „словъ“ въ ущербъ содержанія особенно заботятся о цвѣтистости изложенія. Такое изложеніе можетъ многимъ нравиться, но оно лишаетъ церковную проповѣдь благотворныхъ послѣдствій. Не ошибемся, если скажемъ, что цвѣтистая проповѣдь подобна фейерверку, который, пока горитъ, производитъ много шума и представляетъ своимъ каскадомъ огненныхъ брызгъ чудную и величественную картину, но когда потухнетъ, не оставляетъ послѣ себя ничего, кромѣ дыма и пепла отъ сгорѣвшей бумаги. Такъ и глаголь Господа, облеченный въ изысканную форму, возвратится къ Нему тощимъ, не оставивъ послѣ себя того плода, какой нуженъ для слушателей. О слушателяхъ цвѣтистыхъ, изысканныхъ проповѣдей можно сказать то-же самое, что сказано объ іудеяхъ: „чудяхуся, но не обращахуся“.

Почти столько-же богаты народнымъ характеромъ и болѣе простыя проповѣди. Мы не станемъ отрицать тѣхъ многихъ достоинствъ, какія имѣютъ эти проповѣди, но безъ популярности и эти достоинства ни къ чему не приводятъ. Безъ народности многія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пре-

красныя поученія теряють свое значеніе и становятся не только безплодными, но и скучными. Часто повторяются и изъ многихъ мѣстъ слышатся голоса: „не знаю отчего, но я не могу слушать проповѣдей; онѣ утомляютъ меня“. Правда, подобные голоса часто вызываются болѣе модою, чѣмъ дѣйствительнымъ желаніемъ усовершенія проповѣди, обуславливаются болѣе снисканіемъ диплома здравомыслящаго (?) свѣтскаго человѣка, чѣмъ искреннимъ интересомъ по отношенію къ церковному слову. Но нельзя не сознаться, что во многихъ случаяхъ подобные голоса слышатся со стороны людей, искренно преданныхъ дѣлу вѣры и благочестія христіанскаго. Нѣтъ сомнѣній, что во многихъ нашихъ проповѣдяхъ нѣтъ ничего болѣе, кромѣ тусклой и сто разъ повторяемой фразеологіи, несвязной смѣси риторики, философіи, метафизическаго и мистическаго языка, ни для кого непонятнаго, и вытекающей изъ всего этого монотонности, способной усыпить даже того, кто потерялъ способность ко сну. Всѣ эти черты и свойства нашей проповѣди служатъ весьма важною причиною безплодности ея. Но утверждая это, мы въ то-же время далеки отъ той мысли, чтобы переносить подобныя черты на всѣ наши проповѣди.

Указанные нами положительныя и отрицательныя признаки народности, если не сольются съ душою проповѣдника въ одно цѣлое, а будутъ составлять въ ней только привнесное отъ внѣ знаніе, создадутъ сухую и бездушную народность и ииогда не сообщать ей той жизненности, какая дѣлаетъ народную проповѣдь сильно дѣйственною и многоплодною. Прекрасное средство, дѣлающее проповѣдника народнымъ по самой душѣ его, а не по одному внѣшнему знанію условій народности, рекомендуетъ Амфитеатровъ въ своей Гомилетикѣ. „Всякій писатель, говоритъ онъ, особенно всякій наставникъ народный, въ себѣ и чрезъ се-

бя только можетъ раскрывать существенныя свойства народнаго духа. Будь самъ русскій душею, — въ этомъ заключается тайна всевѣдѣнія для русскаго проповѣдника, — всевѣдѣнія, которое откроетъ ему духъ цѣлаго народа, дастъ вѣрную идею проповѣдническую, дастъ подлинныя способы развитія той идеи, и потому сдѣлаетъ его собесѣдованіе своенароднымъ. Лучшіе писатели народные, конечно, не изъ однѣхъ книгъ почерпали вѣдѣніе о характерѣ народа своего; — нѣтъ, — они сами организованы были по этому характеру, — онъ весь отражался въ нихъ, и духъ народа былъ ихъ духомъ лично, нераздѣльно. Отсюда и слово ихъ было, или есть слово, языкъ, рѣчь, мысль и духъ цѣлаго народа. А отсюда и народность этого слова, его назидательность и непобѣдимая сила надъ современниками. Но создать въ проповѣдникѣ народную душу можетъ только воспитаніе въ подлинномъ духѣ народа и опытъ цѣлой жизни“¹⁾.

Если къ этому мы присоединимъ неподдѣльную, истинную любовь проповѣдника къ своимъ слушателямъ, то средства быть популярнымъ церковнымъ ораторомъ будутъ вполне исчерпаны. Ветхозавѣтные пророки были проникнуты и воодушевлены неветхозавѣтною любовью къ тѣмъ, кому предназначали свои рѣчи, такъ какъ въ ихъ рѣчахъ просвѣчиваетъ любовь не только къ евреямъ, но и къ язычникамъ. Іеремія — эта въ высшей степени чувствительная и любящая душа, относился къ караемымъ грѣшникамъ не только изъ евреевъ, но и изъ язычниковъ, какъ къ близкимъ и кровнымъ своимъ, такъ какъ и язычникамъ не могъ предсказывать безъ рыданій тяжкихъ бѣдствій и строгой Божеской кары. Любовь къ слушателямъ, порождающая ревность къ ихъ спасенію, — вотъ великій учитель, который завершаетъ наученіе искусству быть народнымъ въ пропо-

1) т. II. § 224, стр. 42.

вѣди. Эта всесозидающая любовь облегчить проповѣднику и тотъ великій трудъ, какой необходимъ на поприщѣ церковно-ораторской дѣятельности. Она сдѣлаетъ постоянное приготовленіе къ проповѣди легкимъ и пріятнымъ. Она-же, какъ начало всеобъединяющее, много поможетъ проповѣднику и въ осуществленіи той цѣли, въ силу которой онъ долженъ стремиться къ объединенію народа по духу, характеру и языку.

Ветхозавѣтная пророческая проповѣдь, будучи народною, является въ то-же время и убѣдительною. Дохристіанская древность не въ состояніи представить намъ рѣчей съ такимъ убѣдительнымъ характеромъ, какъ рѣчи библейскихъ пророковъ. Правда, рѣчи Цицерона и Демосѣена производили въ душахъ римлянъ и грековъ удивительныя реформы, но убѣдительность этихъ рѣчей не простиралась до того, чтобы двигать и подчинять себѣ волю въ чужомъ государствѣ, совершенно незнающемъ оратора, какъ это было съ пророкомъ Юной въ Ниневіи. Такое дѣйствіе на убѣжденіе воли пророческихъ рѣчей можно объяснить только божественнымъ авторитетомъ и самою Божескою волею, которая восполняла волю пророка—человѣка и дѣйствовала вмѣстѣ съ нею на волю слушателей. Подобное дѣйствіе воли Божіей на волю людей особенно ясно выступаетъ въ убѣдительности словъ Іисуса Христа. Одна самая короткая фраза Его: „гряди по Мнѣ“—влечетъ за Нимъ избранныхъ учениковъ и заставляетъ ихъ все покинуть.

Цѣль христіанской проповѣди, какъ публичнаго краснорѣчія, состоитъ въ томъ, чтобы произвести реформу въ мнѣніяхъ слушателей и въ самой жизни ихъ. Но достиженіе этой цѣли возможно лишь только въ томъ случаѣ, когда проповѣдь будетъ производить сильное вліяніе на мысль, волю и чувство тѣхъ, которые слушаютъ ее, или короче

сказать — цѣль проповѣди будетъ достигнута, когда она, подобно пророческой, будетъ убѣдительно. Поэтому христіанскіе проповѣдники всегда и вездѣ должны стремиться къ тому, чтобы ихъ слово всегда имѣло хотя малую долю убѣдительности слова пророческаго. Наши проповѣдники, не обладая тѣми сверхъестественными силами и средствами, какими владѣли пророки, должны изыскивать средства, возможные для нихъ и удобоприложимыя къ слушателямъ ихъ. Такимъ средствомъ является прежде всего приобрѣтеніе искренней любви и истиннаго уваженія къ себѣ со стороны слушателей. Извѣстно, съ какою охотою мы готовы слушать тѣхъ, кого любимъ, и съ какою скоростью готовы подчиняться и выполнять всѣ требованія того, кого дѣйствительно уважаемъ. Далѣе проповѣдники должны имѣть сильную волю и дѣйствительно быть убѣжденными въ томъ, что предлагаютъ своимъ слушателямъ. Въ противномъ случаѣ, даже простой слушатель замѣтитъ, если не вполнѣ сознательно, то инстинктивно, что слово проповѣдника далеко отъ его сердца, и говорится имъ только по обязанности говорить. Душа человѣческая по природѣ такова, что она въ тонѣ голоса своего заявляетъ душѣ слушающей о своей неувѣренности въ томъ, что она говоритъ, а когда бываетъ убѣждена, то не только дастъ знать объ этомъ своимъ слушателямъ, но и сольетъ ихъ души въ одномъ убѣжденіи съ собою. Многочисленные опыты свидѣтельствуютъ, что человѣкъ съ желѣзною волею и сильнымъ убѣжденіемъ во всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, однимъ словомъ, однимъ жестомъ, однимъ даже взглядомъ можетъ сдѣлать и достигнуть въ душахъ окружающихъ и слушающихъ его того, чего человѣкъ съ слабою волею и безъ убѣжденій не достигнетъ и во всю свою жизнь. Наконецъ, проповѣдники должны все дѣлать и говорить только во имя и отъ имени

Божія, чтобы божественный авторитетъ сообщалъ дѣламъ и словамъ ихъ болѣе убѣдительности въ глазахъ ихъ слушателей. Только при всѣхъ указанныхъ средствахъ наши проповѣдники могутъ ожидать и достигать благотворныхъ послѣдствій отъ своего слова и быть убѣдительными и среди незнаемыхъ ими и незнающихъ ихъ народовъ, если не такъ скоро и не съ такою силою, какъ Иова среди Ниневитянъ, то, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе продолжительное время. Доказательствомъ этому можетъ служить современная намъ миссіонерская проповѣдь среди язычниковъ.

Съ убѣдительностью ветхозавѣтной пророческой проповѣди тѣсно соединена и изъ нея вытекаетъ, какъ слѣдствіе изъ своего основанія, назидательность и помазаніе. Назидательность производитъ въ душахъ слушателей тѣ понятія, мысли, чувства и расположенія, какія необходимы для очищенія отъ грѣха падшаго человѣчества. Нѣтъ нужды доказывать присутствіе этой черты въ рѣчахъ пророческихъ, такъ какъ въ каждой изъ нихъ можно найти призывъ къ благочестивой жизни и отвращеніе отъ нечестивой. Подобно древнимъ пророкамъ, и христіанскіе проповѣдники должны изъ грѣшнаго человѣчества, — этой ветхой развалины, посредствомъ наученія истинамъ христіанской религіи, созидать новое общество на краеугольномъ камнѣ Иисусѣ Христѣ.

Иванъ Дементьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ
ИВАНА КАРПОВИЧА

(двѣ серебрянныя медали).

Принимаются къ исполненію слѣдующія работы: написаніе св. иконъ, отдѣлка церквей (окраска и живопись) и возобновленіе и устройство въ нихъ иконостасовъ.

Работы исполняются аккуратно и добросовѣстно.

Мастерская помѣщается въ г. РОСТОВѢ на Дону, на углу Никольской улицы и Николаевского переулка.

МАГАЗИНЪ
ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ФОЛОМИНА

—i—ВЪ КІЕВѢ,—i—

уголь Александровской улицы, собствен. домъ, противъ
магазина Сорокоумовскаго.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ.

Священ. облаченія, плащаницы, паникадилы, евангелія, кресты, ковчеги, сосуды, дароносицы, ковши для теплоты, копіи, миропомазаницы, крестильницы, всенощныя блюда, кропилы, вѣнцы вѣнчальные, воздуха, пасхальники, хоругви, кадилы, лампадки, ставники, купели, подсвѣчники разные, образа въ ризахъ, парча и галунъ.

РАЗНЫЯ ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ и СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО.

На всѣ вещи принимаются заказы.

Цѣны безъ запроса.

ЖИВОПИСЕЦЪ
ФЕОДОРЪ ВЛАСЕНКО

принимаетъ заказы на всѣ церковныя работы, какъ-то: образа для иконостасовъ съ живописными и золочеными цированными и че-